

ПОПРАВКА К ЛОЦИИ

Несколько лет назад, сбравшись на Бихну и заглянув в лопию Балтийского моря, я прочитал:

«Остров тянется по меридиану на 3,5 миль, а по параллели — до двух миль и весь покрыт непрекращающимся сосновым лесом. На острове построены маяк. Жители занимаются... рыболовством...

На острове 170 домов и каменная церковь, которая видна с моря с западной стороны. К югу от церкви находится большая розовый дом с красной крышей, а между церковью и домом — шест с флагом».

Лопия была старая, конца прошлого века. Но когда с борта рыбачьей лодки перешли впервые раскрылся остров, приведенное описание оказалось до удивления точным. Сосны, церковь, дома среди деревьев, красная крыша, шест с флагом... Ничто не изменилось.

На земле Бихну ощущение застойной жизни охватывало еще сильней. Тут уже никоем отдавал архико, этнографическим музеем. Помни, как поразил меня вид коня и всадника, которых я встретил по дороге к поселку. Показалось, будто ожившие страны Балтии. Со спины коня свисало длинное, почти до земли, средневековое покрывало, а всадник, держав картины, держал в руках громадный рыцарский меч без ножен.

Негорливой рысью меченосец облезжал поселок и, стучая грозным оружием в двери, вызывал хозяев. Это был жених, он приглашал гостей на свадьбу.

Потом жених угадывал невесту среди девушек, закутанных в одинаковые шали, потому что торжественный вывоз придал в дубовом, окованном железом сундуке; и шуточное похищение вещей у пригашенных, и шуточный выкуп их, и старинные притчания, и старинные песни, и хороводы девушки в национальных костюмах... Словом, на Бихну текла своя, совершенно особая жизнь, соблюдалась свои обычай. Маленький остров был заповедником эстонской старины.

Правда, старина держалась в тепле и сумраке приземистых ледовских домов, а на морских просторах кихнусы новогодние читались из воды лодки, забытыми памятником высится погашенный маяк, пишущий периной нетронутого снега заносится.

Тихо становится и в домах. Женщины садятся за рукоидие, мужчины чинят сети. Опытные пальцы ловцов уверенно вывязывают ячи — узел за узлом, узел за узлом...

Так прошли «пустыне весны».

Они повторялись из года в год, словно узы бесконечной сети, и, казалось, зима на Бихну иной не может быть. Семьдесят жителей, все живут морем, даже не слушают, когда море закрыто!

В наступившем году море тоже закрыто. Даже крепче, чем всегда. Из-за состояния погоды не появятся на острове мне не удалось. Но на этом берегу, в Пирну, до меня дошла гудка, начатая на Бихну. Оней рассказали в районе партии, о ней было много разговоров на морско-рыболовной станции, а когда я связалась по телефону со старыми кихнусами знакомыми, — с привычным представлением о дремотной тишине зимнего Бихну пришло расстаться окончательно.

— Прочтите в директивах съезда, там про нас есть. Как раз насчет нашей станицы записано! — прокричал мне в телефонную трубку Георг Палу.

Преувеличивали ли рыбак, считая, что в директивах ХХ съезда КПСС упоминается о маленьком, ничем не примечательном острове?

Нет, бригадир знал, о чем говорил. В разделе директив, посвященным Эстонской республике, действительно, есть строка, имеющая непосредственное отношение к Бихну и к тому, что сейчас на острове делается. Страна гласит:

«Расширять береговую базу рыбной промышленности».

Всего пять слов. Но они подтвердили то, что было задумано и начато, они привели строительству на острове большой размах.

Когда счет слова велся у кихнусцев ведрами, небольшой сарай, где салаку, солили в бочках, вполне удовлетворял остряни. В годы пятой пятилетки, с ростом уловов, на острове были построены рыбопромысловый пункт, с транспортерами для выгрузки добычи, с солильными чанами, с просторными складскими помещениями.

Но солильный чан, даже оборудованный транспортером, — не последнее слово техники, а грубо послеподобная рыбь — не самая вкусная рыба. Как много теряет знаменитая балтийская салака — крупная, жирная, нежная, — от того, что ее либо самым примитивным образом солят на острове, либо возят через весь залив на рыбный комбинат в Пирну и там замораживают, консервируют, маринуют, консервируют! Как выиграл бы потребитель, если бы все это проделывалось с вкусной рыбешкой на месте, где ее поймали!

В прошлом году этот самый Георг Палу вместе со своей бригадой сдал на приемный пункт 2.700 центнеров салаки, чантика, угрем, сиаги. В бригаде одиннадцать человек. На каждого, следовательно, пришлося за год 245 центнеров добычи.

Еще больше был улов в бригадах Аланы и Тыля. А в среднем каждый из рыбаков выловил в прошлом году свыше двухсот центнеров рыбы. Годовой заработок в двадцать пять — тридцать — три

Г. НОВОГРУДСКИЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

центнеров рыбьи стал для остряни обычным делом.

Так закончили кихнусы пятую пятилетку. Новая пятилетка ставит перед ними новые задачи.

Я знаю, каким безвременем считалась всегда на Бихну зима. Море, то самое море, которое, кроме остальных времена года не разединяет, а связывает островитян с большим берегом, в зимние месяцы покрывается льдом, и до острова тогда ни пройти, ни проехать. Бихну будто на тысячи километров отодвигается от материки. Ничто не изменилось.

На земле Бихну ощущение застойной жизни охватывало еще сильней. Тут уже никоем отдавал архико, этнографическим музеям. Помни, как поразил меня вид коня и всадника, которых я встретил по дороге к поселку. Показалось, будто ожила страна Балтии. Со спины коня свисало длинное, почти до земли, средневековое покрывало, а всадник, держав картины, держал в руках громадный рыцарский меч без ножен.

Негорливой рысью меченосец облезжал поселок и, стучая грозным оружием в двери, вызывал хозяев. Это был жених, он приглашал гостей на свадьбу.

Потом жених угадывал невесту среди девушек, закутанных в одинаковые шали, потому что торжественный вывоз придал в дубовом, окованном железом сундуке; и шуточное похищение вещей у пригашенных, и шуточный выкуп их, и старинные притчания, и старинные песни, и хороводы девушки в национальных костюмах... Словом, на Бихну текла своя, совершенно особая жизнь, соблюдалась свои обычай. Маленький остров был заповедником эстонской старины.

Правда, старина держалась в тепле и сумраке приземистых ледовских домов, а на морских просторах кихнусы новогодние читались из воды лодки, забытыми памятником высится погашенный маяк, пишущий периной нетронутого снега заносится.

Тихо становится и в домах. Женщины садятся за рукоидие, мужчины чинят сети. Опытные пальцы ловцов уверенно вывязывают ячи — узел за узлом, узел за узлом...

Так прошли «пустыне весны».

Они повторялись из года в год, словно узы бесконечной сети, и, казалось, зима на Бихну иной не может быть. Семьдесят жителей, все живут морем, даже не слушают, когда море закрыто!

В наступившем году море тоже закрыто. Даже крепче, чем всегда. Из-за состояния погоды не появятся на острове мне не удалось. Но на этом берегу, в Пирну, до меня дошла гудка, начатая на Бихну. Оней рассказали в районе партии, о ней было много разговоров на морско-рыболовной станции, а когда я связалась по телефону со старыми кихнусами знакомыми, — с привычным представлением о дремотной тишине зимнего Бихну пришло расстаться окончательно.

— Прочтите в директивах съезда, там про нас есть. Как раз насчет нашей станицы записано! — прокричал мне в телефонную трубку Георг Палу.

Преувеличивали ли рыбак, считая, что в директивах ХХ съезда КПСС упоминается о маленьком, ничем не примечательном острове?

Нет, бригадир знал, о чем говорил. В разделе директив, посвященным Эстонской республике, действительно, есть строка, имеющая непосредственное отношение к Бихну и к тому, что сейчас на острове делается. Страна гласит:

«Расширять береговую базу рыбной промышленности».

Всего пять слов. Но они подтвердили то, что было задумано и начато, они привели строительству на острове большой размах.

Когда счет слова велся у кихнусцев ведрами, небольшой сарай, где салаку, солили в бочках, вполне удовлетворял остряни. В годы пятой пятилетки, с ростом уловов, на острове были построены рыбопромысловый пункт, с транспортерами для выгрузки добычи, с солильными чанами, с просторными складскими помещениями.

Но солильный чан, даже оборудованный транспортером, — не последнее слово техники, а грубо послеподобная рыбь — не самая вкусная рыба. Как много теряет знаменитая балтийская салака — крупная, жирная, нежная, — от того, что ее либо самым примитивным образом солят на острове, либо возят через весь залив на рыбный комбинат в Пирну и там замораживают, консервируют, маринуют, консервируют! Как выиграл бы потребитель, если бы все это проделывалось с вкусной рыбешкой на месте, где ее поймали!

А в прошлом году этот самый Георг Палу вместе со своей бригадой сдал на приемный пункт 2.700 центнеров салаки, чантика, угрем, сиаги. В бригаде одиннадцать человек. На каждого, следовательно, пришлося за год 245 центнеров добычи.

Еще больше был улов в бригадах Аланы и Тыля. А в среднем каждый из рыбаков выловил в прошлом году свыше двухсот центнеров рыбы. Годовой заработок в двадцать пять — тридцать — три

продукцию, будет удачен мол, углублена бухта.

Мой телефонный собеседник, бригадир Палу, рассказал о том, как идет строительство. Постройки цех войдет в строй совсем скоро, к весеннеей путине, холода и скроморозила — осенью, все остальное — в будущем году.

— Всё пекчи сейчас некогда сидеть, работаем, — звучал в мембране голос Палу.

— А рыбы столько дадите? Ведь много рыб понадобится, — спросил я.

Трубка помолчала, потом Палу произнес:

— Если за неводы будем держаться, сколько даем рыбы, столько и будем давать. Это больше не годится.

— Почему не годится, Георг?

— Потому что ставников ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

стричься на берегу.

Итак, Палу снова ратует за новое. Семь лет тому назад он одним из первых на остров поднял голос против дедовских сетей,

брался за ставнико, ловить — значит на рыбу надеяться, а нам нужно на себя надеяться. Чем ждать, когда рыба к берегу подойдет, лучше самим

Каждый день, каждый час жизни —
это испытание наших характеров,
верности, честности, прямоты, смелости, испытания
крепости наших жизненных принципов, последовательности наших взглядов и убеждений.

И каждая хорошая, правдивая книга поэтому всегда в какой-то мере является рассказом об испытании человеческих характеров в те острые и значительные жизненные моменты, когда способность этих характеров может проявиться с наибольшей определенностью и полнотой.

С этой точки зрения небольшая новая повесть Павла Нилина «Испытательный срок» приобретает значительный интерес. Здесь что ни герой, то определенный и своеобразный, каждый раз по-новому проявляющийся человеческий характер. И поэтому, видимо, с таким доверием следишь за развитием действий повести.

Двадцатые годы. Губернский город в Сибири. Полутуманные коридоры губернского «урга» — уголовного розыска; в арестных помещениях шумят непротренированные самогонщики, склоняя головы, взломчики, беспризорные мальчишки... Трудное, тревожное время — время трагических контрастов и сложнейшей исторической борьбы. Молодая Советская республика собирает силы для решительного наступления на трудовом фронте. И на этом историческом фоне, выписанном в повести достоверно и точно, — герническая деятельность людей, которым партия поручила трудиную работу по борьбе с преступными элементами, работу по «уборке грязи», тяжкую будничную работу по искоренению зла и преступлений во имя счастья на земле.

Два паренька, два комсомольца — Егоров и Зайцев — проходят в угрозыске свой месячный испытательный срок. Причем еще не известно, кого из них зачислит на работу, — ведь в губоком комсомоле по ошибке выписали две путевки на одну испытательную должность. Совершенно очевидно, что решением здесь будет то, как, с какой стороны сумеют проявить себя ребята на работе, какие личные качества обнаружат они при этом.

Таким образом, само построение повести как нельзя лучше служит воплощению авторского намерения показать нам то, как ежечасно «испытываются» и закаляются в борьбе различные характеры людей.

Зайцев и Егоров не похожи друг на друга, хоть и сверстники они, и комсомольцы, и как будто вышли оба из трудовой среды.

Отчаянно смелого, шустрого, бойкого, находчивого Зайцева работники угрозыска как-то сразу узнали и признали: «...действительно оперативник, отважный паренек» — такое составилось о нем общее мнение.

Егоров же совсем другой: тихий, скромный, незаметный, склонный к самоанализу, вдумчивый, справедливый, добрый, несколько даже излишне чувствительный и жалостливый. Он тоже, конечно, не трус — Егоров, но вот покойников, например, он боится панически, и одно прикосновение к трупу заставляет его упасть в обморок!

Что бы делали Зайцев и Егоров, если они делают по-разному, по-своему. На каждом из их поступков, слове, жесте лежит своеобразие.

И вот эти пареньки, такие определенные в своем отличии друг от друга и в то же время такие еще по-юношески неустановившиеся, «неперебродившие», попадают под начало к умному и тонкому воспитателю — Ульяну Григорьевичу Журу.

В создании образа Жура — большая и принципиальная удача писателя. Жур —

Павел Нилин. «Испытательный срок». Повесть. «Знамя». № 1. 1956 г.

И. ПИЛЯР

Испытание характеров

простой и скромный человек. Бывший молодогодец, недавний участник гражданской войны, он самоуверенно трудится на том небольшом участке работы, на котором поставила его партия.

В повести Жур выступает в основном в роли воспитателя Зайцева и Егорова. Причем это очень нелегкая роль — разобраться в характерах этих ребят, разобраться то, что в них скрыто, направить, выправить эти характеры. В тихом и застенчивом Егорове нужно угадать скрытую силу, увидеть ум, человечность. Нужно помочь Егорову поскорей избавиться от мягкотелости, от элизиан, нерассуждающей доброты.

А с Зайцевым Журу еще трудней. Зайцев смел, дерзкий, удачлив. Но его поступки, характер этих поступков с очевидностью обнаруживают в нем налет душевой жестокости, обнаруживают пренебрежение к людям, всю ту душевную «муть», с которой Журу придется еще упорно бороться, прежде чем Зайцев станет настоящим человеком.

Жур не проповедует и не поучает.

Вместе со стажерами делает он свои обычные, будничные, внешне совсем не героические дела: распутывает сложное убийство скакунщика-алтакара, совершает облавы на бандитов, ищет и находит партию иностранного оружия — те самые «короткие японские карабины» и американские пистолеты, из которых «бандиты должны были стрелять в наших людей...».

В самих действиях Жура, в бегах его замечаний, в его отношениях к людям за jakiшены высокий и поучительный смысл, вложенный моральный кодекс нашего общества.

— Чудак ты, Серега! — говорит он Зайцеву. — Чудак. Молодой еще. Больно горячий. Тебе еще надо книги почитать, подумать, поглядеть, как народ живет, узнать, в чем его трудность жизни.

Деятельность Жура гуманна по самой основе своей — это борьба за то, чтобы очистить общество от преступников и преступлений, но это борьба и за человека:

«Преступников нужно уничтожать. Тут никакого спора нет. Нужно и убивать. Но надо все время смотреть: может, кого удастся и исправить...»

Рисуя своих героев, автор сумел показать нам то, что характер человека — это сумма каких-то абсолютных, отдельно взятых качеств. Пусть Зайцев смел, уверен в себе. Все эти качества могут быть направлены по-разному. Все зависит от тех целей, от тех устремлений, которыми воодушевляют человека в его деятельности. Служит человек благородным, высоким целям, честно и верно служит своему народу — и его смелость, находчивость, воля безгранично возрастают, воодушевленные и окрыленные его высокими моральными принципами. И наоборот: если нет в деятельности человека этого высокого, окрыляющего начала, смелость его обращается в хищницу и жестокостью, воля и самоуверенность — наглостью и высокомерием...

То же и с безграницей, нерассуждающей добродетелью Егорова. Когда это качество сочетается с общественным незрелостью человека, оно становится временным и опасным, превращаясь в мягкотелость и склонность ко всепрощению. И наоборот — когда это качество разумно направляемо, оно представляет собой огромную созидающую, светлую силу.

Вот в этой нерасторжимой связи характеров с большими общественно-моральными

проблемами заключена, как мне кажется, одна из основных задач этой повести П. Нилина.

Хочется подчеркнуть еще одну особенность этого произведения: характеры его героев даны в движении, как бы в перспективе. Мы все время ощущаем те потенции, которые скрыты в этих характерах, и поэтому нам нетрудно предугадать путь их развития в будущем. Только месяц мы были знакомы с Егоровым и Зайцевым. Оба они на первых порах выдержали свой «испытательный срок», оба оставлены на работе в уголовке.

Серьезный, сосредоточенный, спаведливый Егоров, с его большой любовью к детям, с его твердой верой в то, что человек создан для счастья, очевидно, вырастет в одном из тех воспитателей юношества, ярчайшим примером которых для нас является Макаренко.

А Зайцев, отяжелый, отчужденный, отчужденный Зайцев? Что ж, если удастся ему избавиться от опасной «мути» в голове, получится из Зайцева боевой оперативник, ловкий, бесстрашный и неустомимый боец с преступниками. А если нет? Если воссторжествует в Зайцеве хищное, жестокое, злое? Эти возможности тоже заключены в сложном и «благотворном» потенциале характеров.

И, наконец, хочется указать еще на одну поучительную особенность разываемой повести — на то, как в ней раскрывается профессиональная деятельность ее героев.

В последнее время у нас появилось множество произведений детективного жанра. Отличительным признаком этих произведений является их «событийность» — сложный, крепко закрученный и динамично развивающийся сюжет. Все же остальное — типичные характеристики, типичные обстоятельства, логика развития образов, историческая, психологическая достоверность и т. п. — зачастую для этих произведений как-то не обязательно... Так на наших глазах создается какой-то условный, облегченный тип литературных произведений, по отношению к которым как бы теряют свое значение все требования подлинно реалистической литературы.

Читая порой такие книжки — и приходится тебе на ум слова одного старого немецкого писателя: «Итак, напихать и наскакать одно на другое, как льдины во время ледохода...» характеристику сопутствует: «Преступников нужно уничтожать. Тут никакого спора нет. Нужно и убивать. Но надо все время смотреть: может, кого удастся и исправить...»

Рисуя своих героев, автор сумел показать нам то, что характер человека — это не сумма каких-то абсолютных, отдельно взятых качеств. Пусть Зайцев смел, уверен в себе. Все эти качества могут быть направлены по-разному. Все зависит от тех целей, от тех устремлений, которыми воодушевляют человека в его деятельности. Служит человек благородным, высоким целям, честно и верно служит своему народу — и его смелость, находчивость, воля безгранично возрастают, воодушевленные и окрыленные его высокими моральными принципами.

И наоборот: если нет в деятельности человека этого высокого, окрыляющего начала, смелость его обращается в хищницу и жестокостью, воля и самоуверенность — наглостью и высокомерием...

В повести П. Нилина детективная лирика не имеет самодовлеющего значения. Писатель она нужна только постылью, поскольку — в самой деятельности героя — раскрываются решающие черты их характеров, поскольку сама эта деятельность по выявление и пониманию преступников позволяет ответить на жизненно важные вопросы.

Короче говоря, в повести П. Нилина нет ни одного происшествия, которое «бело бы без характеров, как собака без хозяина». И именно поэтому, наверно, нам так интересны и те происшествия, в которых приходится участвовать героям этой повести.

Об этом не мешало бы подумать многим авторам современных «детективных» произведений.

Повесть «Испытательный срок», как это обозначено в сюжете, относится к циклу «Подробности жизни». Очевидно, в этом будущем цикле мы встретимся и с произведениями, посвященными современной тематике.

Будем надеяться, что и в новых веяниях П. Нилина мы найдем то ценное и интересное, что привлекло нас в его последней повести.

И. ПИЛЯР

МОСКВА, КРЕМЛЬ

Каждый, присутствующий на спектакле «Москва, Кремль» в Центральном театре Советской Армии, как бы снова переживает далекие, но близкие сердцу дни становления советской власти, образования Советского государства.

Пьеса А. Афиногенова, написанная в 1937—1938 годах (и сейчас, на основе рукописи писателя, завершенная И. Штоком), воскрешает в нашей памяти героические дни 1918 года, когда Советская республика находилась в тисках голода и разрухи. Под руководством большевистской партии, великого Ленина народ вел самоизверженную борьбу против внутренней контрреволюции, иностранной интервенции.

— Коллектив театра стремился воспроизвести хронику событий того времени, отразить горячую любовь народа к В. И. Ленину, — сказал в беседе с нашим корреспондентом режиссер спектакля А. Шатрин. — В период репетиций артисты встречались с людьми, принимавшими непосредственное участие в описываемых событиях, побывали на местах, о которых повествует пьеса. Наконец, некоторые участники постановки сами были свидетелями и участниками больших исторических свидетельств.

— Все, что я пережил в 1918 году, сейчас воссоздается в спектакле. В то время я тоже был добровольцем, — рассказывает исполнитель роли Гордя Сенцова артист Н. Колофидин, — и очень хорошо помню, что вот так же, как сейчас на сцене, люди, вдохновленные патриотическим чувством, записались в ряды Красной Армии и ехали на фронт защищать молодую Советскую республику.

Спектакль поставлен Алексеем Поповым. Роль В. И. Ленина исполняет артист К. Насонов. В спектакле зрители видят также Я. М. Свердлова (Г. Бальян), Ф. Э. Дзержинского (А. Попов). Запоминаются образы Молодого рабочего Алеши Рыаницева (А. Петров), его матери Евдокии Алексеевны (А. Богданова), крестьянин-ходока (В. Ратомский). Художник спектакля — Н. Шифрин.

На снимке: сцена из спектакля. Фото А. Лапина

ОДНОТОМНИК ПЕТРУСЯ БРОВКИ

М. РЫЛЕНКОВ

Песенный и сказочный жанр придает трогательную прелест многим лирическим стихам Петруса Бровки.

Серебряной тройкой проходят утны в одежду серебряной Парень с девичиной. Проходят под ветками Дружной четки, И ветви кропят их Молочной росой.

А месяц-казакиник Ни даст им укрыться: Придут они к речке, Ой в речке кривятся. Зайдут они в жито, А жито гуторт, Чтоб месица усыпал, Их шепоту вторят!

Придут они к яблоням: Не даст им укрыться: Придут они к речке, Ой в речке кривятся. Зайдут они в жито, А жито гуторт, Чтоб месица усыпал, Их шепоту вторят!

Нужно сказать, что редакторы — составители однотомника — сумели отобрать действительно лучшее из того, что создано поэтом за три десятилетия его работы, представив все основные мотивы его поэзии и отбросив все несущественное.

Чтая этот однотомник, стихотворение за стихотворением, видишь, как растет поэт, как органически переплетаются в его творчестве мотивы любви к родным местам, к Белоруссии, с любовью ко всей советской Родине, как гордость за свой народ рождает благодарность к его старшему брату — русскому народу. Чуждое какой-либо национальной ограниченностии, творчество Бровки патристично в самом лучшем, самом благородном смысле слова.

Пафос поэзии Бровки — это пафос дружбы и братства народов.

Я счастлив желаю на свете Народам всех наций и рас, Мы — Родины верные дети, Советское сердце у нас!

Перевод Я. ХЕЛЕМСКОГО

Все, что лето огульно в июне, Каждый взял под осенний звездой.

Вот выходит с подружкой писунье На крыльце тракторист молодой.

Он шагает, смущенный немножко, Сам собой собирается круг.

Премированый новой гармошкой, Грянул конюх веселую вдруг.

Загудело, пошло, понеслось, Только пылью пылит из под пят.

И глядит, и завидуя, осень, Подгузлившие ветры шумят.

Петруса Бровка. Стихотворение. Государственное издательство художественной литературы. М. 1955.

Перевод Я. ХЕЛЕМСКОГО

Изящные жалюзи на светле будь о языке русской литературы. Вспоминаются стихи о «силе благодатной», скрытой в «созвучии слов живых». И жди, что истики неморклистой красоты слова будут открыты. Но в ответ слышат: «Лермонтов избегает местных, диалектных или кавказских ионизированных слов, намеренно пользуясь общеподлитературной лексикой... Для речевой манеры Максима Максимовича характерно употребление выражений и оборотов из круга его военно-профессиональной терминологии». Это все, что сказано о языке Лермонтова. За поэта становится представление о законах истории, о ее логике. Исчезает и мысль о критическом реализме, как оружии освободительной борьбы.

Затрагивается в книге и вопрос о национальной специфике русской литературы, она сопоставляется с западной. Но как? Вспоминаются имена Вальтера Скотта, Диккенса, Теккерая, Гюго, Бальзака и Стендхайма. И хочется, чтобы в сравнении с ними еще ярче засияли Гоголь, Достоевский и Тургенев. А нам повторяют: Гоголь оставил позади западноевропейский роман того времени, он решительно отвергает то направление театра, которое характеризовалось современной ему западноевропейской драматургией и «во многом превосходит силой своего обличия произведения западноевропейских писателей». Лучшее в нашей литературе сравнивается с художественными произведениями западноевропейской литературы.

Черная вдохновение из неисследованного источника народа, поэзия Петруса Бровки не растворяется в нем — он никогда не впадает в стилизацию. От этой опасности спасает присущее ему острое чувство времени.

Знакомые песенные интонации он умеет заставить звуки-по-новому:

ЗА МИРНОЕ СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Разумный выход

В ТОРОГО марта г-н Пино, наш министр иностранных дел, выступил на заседании Ассоциации англо-американской печати в Париже с заявлением, которое произвело сенсацию во всем мире. Французский министр иностранных дел сказал, что он абсолютно не согласен с «общим направлением западной политики в вопросах войны и мира». «Мы совершили огромную ошибку», — продолжал Пино, — считая, что проблемы безопасности являются единственными международными проблемами, которыми мы должны заниматься».

Поскольку все страны, как и все здравомыслящие люди, отвергают всякую мысль о войне между Востоком и Западом, то единственно разумным выходом представляется создание прочной основы для мирного сосуществования между ними.

Цито заявил далее: «Я буду систематически ориентировать французскую политику на культурный обмен между Востоком и Западом. Франция будет всегда благородно относиться к созыву международных конференций».

Великий боже! Наконец-то прозвучали слова, которых нам так приятно слушать! Никогда мы не переставали верить во Францию. Наконец, кончились эти кошмары, когда французская политика была стопроцентно проамериканской и прогерманской. Это было тягостно для нас, французских патриотов, которые, несмотря на все перенесенные унижения, остались преданными интересам своей родины, интересов мира.

Надо сказать совершенно прямо, что вот уже восемь лет, с тех пор как в 1948 году г-н Робер Шуман водворился на Ка д'Орсе и вплоть до этих последних дней, попросту не было никакой французской политики. Больше того, можно сказать, что все это время у нас не было министра иностранных дел, ибо если день за днем произносилось только «да» или «самый» в ответ на любую инициативу, пусть даже самую злосчастную, исходящую от американских министров или от западногерманского канцлера, то это нельзя было назвать «французской политикой». Напротив, это было систематическим предательством жизненных интересов Франции и дела всеобщего мира.

Проект создания так называемой «Малой Европы» представлял собой коварную западню. С его помощью Батикин (который, опираясь на христианско-демократическую партию, все еще осуществляется в Италии свою пагубную диктатуру) и революционно-клерикальная Германия канцлера Аденауэра установили бы полное господство над всеми демократическими политическими и профсоюзными силами шести стран, если бы эти государства имели несчастье присоединиться к соответствующему пакту. В частности, во Франции началось бы преследование демократических сил, были бы уничтожены свободы мысли и другие свободы, которым мы так страстно привержены. Содействовать образованию «Малой Европы» означало бы подрывать дело мира, участвовать в создании военной машины, направленной против СССР. Это означало бы принести Францию в жертву притязаниям Германии.

К счастью, теперь все говорят о том, что с этим безразсудством покончено.

Вот о чём думали мы с 1948 года, вот почему такое большое количество французской интеллигенции, в частности профессуры, восстало против плана создания «европейского оборонительного сообщества». Выступая на митингах, мы заручились поддержкой широких масс французских патриотов. Отговариваясь назад, мы с радостью сознаем, что внесли действенный вклад в отложение парламентом Франции безумного проекта ЕОС. Этот акт Национального собрания нанес смертельный удар по плану «Малой Европы», а отложение «европейского статута» населением Саарской области явилось свидетельством окончательного круха всех этих безумных проектов.

В этой борьбе за мир и национальную независимость движение французских сторонников мира сыграло выдающуюся роль. Глобель плана созыва ЕОС был нашим первым триумфом, нашей первой великой радостью.

Трезвые и смелые слова г-на Пино дают нам новое огромное удовлетворение. Как горько было нам, французским патриотам, сознавать, что наша страна, в которой есть так много умных людей, ведёт абсурдную внешнюю политику. И мы не устаем повторять, что эта жалкая, раболепная политика была для всех нас источником мучительного унижения и неизрываемого отчаяния. Мы хорошо знали, что народные массы Франции осудили бы эту политику, если бы они понимали ее сущность, но правительство и пресса систематически дезинформировали общественное мнение. Как страли мы, видя, что Франция, словно лишившаяся мыслей и воли, становится бесконечно малой величиной на международной арене!..

И вот, наконец, вспыхла заря новой эры. После долгого, томительного сна Франции, благодаря успеху левого большинства, ставшего хозяином парламента, вновь осознала себя самой и опять становится важным фактором в международной жизни. Мы знаем, что советский народ и его правительство будут рады этому.

Мы не хотели бы уничтожить Атлантический союз, но ясно, что последний может продолжать существовать только в том случае, если он будет коренным образом реформирован, если его цели будут продуманы и сформулированы заново.

Франция достаточно долго пыталась на поводу своих союзников. Довольно им навязывать ей свои решения, подчас весьма ошибочные!

Французский народ постоянно испытывал чувства теплой симпатии и восхищения к советскому народу, высоко оценивая его геройизм, его научную и художественную одаренность. Мы знаем, что и советский народ питает сходные чувства к нам, ибо мы — народ той страны, где свершилась французская революция. Но

МИФ О «КЛАССОВОЙ ИДИЛЛИИ»

Недавно американский министр труда Мичелл произнес речь, которая совершенно незаслуженно была обоблена вниманием комментаторов. Широкими мазками министр нарисовал картину чуть ли не рабской жизни американских рабочих. Он заявил: «То, что происходит в нашей стране, нельзя назвать простым сосуществованием между промышленниками и рабочими. Это — плоды волчьих идеи сотрудничества между ними. Система экономической свободы привела к широкому и справедливому распределению плодов труда... Техника Маркса об эксплуатации трудящихся выглядит в Америке старомодной».

Как сказал г-н Кристиан Пино, Франция хотела бы стать прочными связующими звенами между Востоком и Западом. Таким образом, в нашей взаимной выгоде будет осуществлено мирное сосуществование двух различных систем: так, например, Восток может извлечь пользу из изучения наших весьма либеральных методов управления, а мы, со своей стороны, с огромным интересом будем изучать государственную структуру страны, в которой восторжествовал социалистический принцип.

Бернар ЛАВЕРНЬ,
профессор юридического факультета
Парижского университета,
главный редактор журнала
«Линия политики в экономике».
ПАРИЖ, 12 марта. (По телеграфу)

Доброе предзнаменование

ДОЛГОЕ время западная пропаганда рисовала взаимоотношения между странами — участниками Атлантического блока в самом идеальном свете. Для украшения фасада здания НАТО буржуазная печать не жалела золоты.

«Дружество», «общность целей и взгляда», «взаимопонимание», «атлантическая солидарность» — в таких выражениях выражалась атмосфера многочисленных встреч генералов и дипломатов в штаб-квартире НАТО.

Правда, изредка в американской и европейской печати появлялись статьи, авторы которых предупреждали о растущей непопулярности политики Даллеса в Европе. Подчас эти высказывания принадлежали лицам осведомленных обозревателей, как Уолтер Лицман, брат Айзен и другие. Но все же пропаганда продолжала наводить новую позолоту на фасад здания НАТО.

На днях в Вашингтоне и Париже почти одновременно произошли два сильных подземных толчка и на атлантическом здании НАТО вспыхнули новые глубокие трещины. В этот раз не журналисты, а два видных политических деятеля нарушили идеальную картину. Мы имеем в виду уже известное высказывание президента Итальянской Республики Гронки в американском конгрессе и речь министра иностранных дел Франции Кристиана Пино в Ассоциации англо-американской печати в Париже.

Что сказал Кристиан Пино, если коротко изложить его высказывание? Французский министр иностранных дел выразил свое несогласие с общим направлением политики Запада в вопросах войны и мира. Он выскользнул за персонал этой политики, за мирное сосуществование стран с различным политическим строем, за переговоры между Востоком и Западом. Французская газета, «Комбса», пишет: «Пино выразил свое «глубокое несогласие» с «политикой, проводимой западными державами». Предпочтение, отдаваемое военным вопросам в этой политике, по его мнению, не имеет оснований. Холодной войне пришло на смену мирное сосуществование».

Причина же этого, по словам Гронки, в том, что нация не станет спасать тот факт, — пишет он, — что «атлантическая солидарность», выражавшаяся раньше национальной и недалекой, что иногда можно даже усомниться в ее существовании.

Как же расценили в Вашингтоне и Лондоне эти удары по западной политике? Как отнеслись к ним те, кто еще вчера уверял, будто «единство» — отличительная особенность взаимоотношений между странами — участниками НАТО?

Первые отклики всегда показательны, как они в меньшей степени находятся под влиянием официальных кругов.

«Пино мог бы выразить более подходящий момент, чтобы высказать свою точку зрения», — писал с раздражением корреспондент «Нью-Йорк таймс» Эйбл.

Американская печать высказала немало горьких слов по адресу Кристиана Пино. Но хотя о высказывании Гронки пишут более сдержанно, чувствуется, что позиция итальянского президента особенно огорчила государственный департамент США.

Но Италия? Итальянские правящие круги не раз ставились в пример другим европейским странам. Совсем недавно американский посол в Риме Клер Бут Лосжажал сказать комплимент Италии, называя ее «окном и зеркалом Запада». Надо говорить, что отражение в «итальянском зеркале» на этот раз доставило мало удовольствия атлантическим стратегам.

В последние дни тем печати США и Англии заметно изменился. Западные пропагандисты срочно пытаются заставить языки замешанных на растворе трещины на фасаде Атлантического блока. Словно по команде, газеты и журналы уверяют, что ничего особенного не произошло и речь идет о простой размолвке в дружной семье.

Она из американских газет привела следующий эпизод, чтобы доказать полную солидарность Джованни Гронки с атлантической политикой. Во время завтрака на Национальном клубе печати в Вашингтоне сотрудник газеты «Нью-Йорк дейли ньюз» Франс Хоулман, представляя итальянского президента собравшимся, шутливо заметил: Этот итальянец прибыл из района Пизы, и, подобно пизанской башне, «он склоняется слегка влево».

Гронки подхватил эту шутку и ответил: «Я хотел бы, чтобы меня считали человеком, стоящим прямо на своих собственных ногах, человеком, но склоняющимся ни в ту, ни в другую сторону».

Недовольство общественности американ-

ской полиции, засевшей в здании завода «Перфект скрим», компания открыла огонь по демонстрантам забастовщиков и ранена пять человек. Заводы этой компании, выпускающие автомобильные поршневые колы, стали театром военных действий. Губернатор штата Индиана ввел в район забастовки военное положение и бросил против рабочих танки и тысячи солдат.

Летопись классовых боев 1956 года открылась грандиозной забастовкой электриков. 3 января в стыке у заводских ворот пал от руки полицейского молодой забастовщик Трой Тедлок.

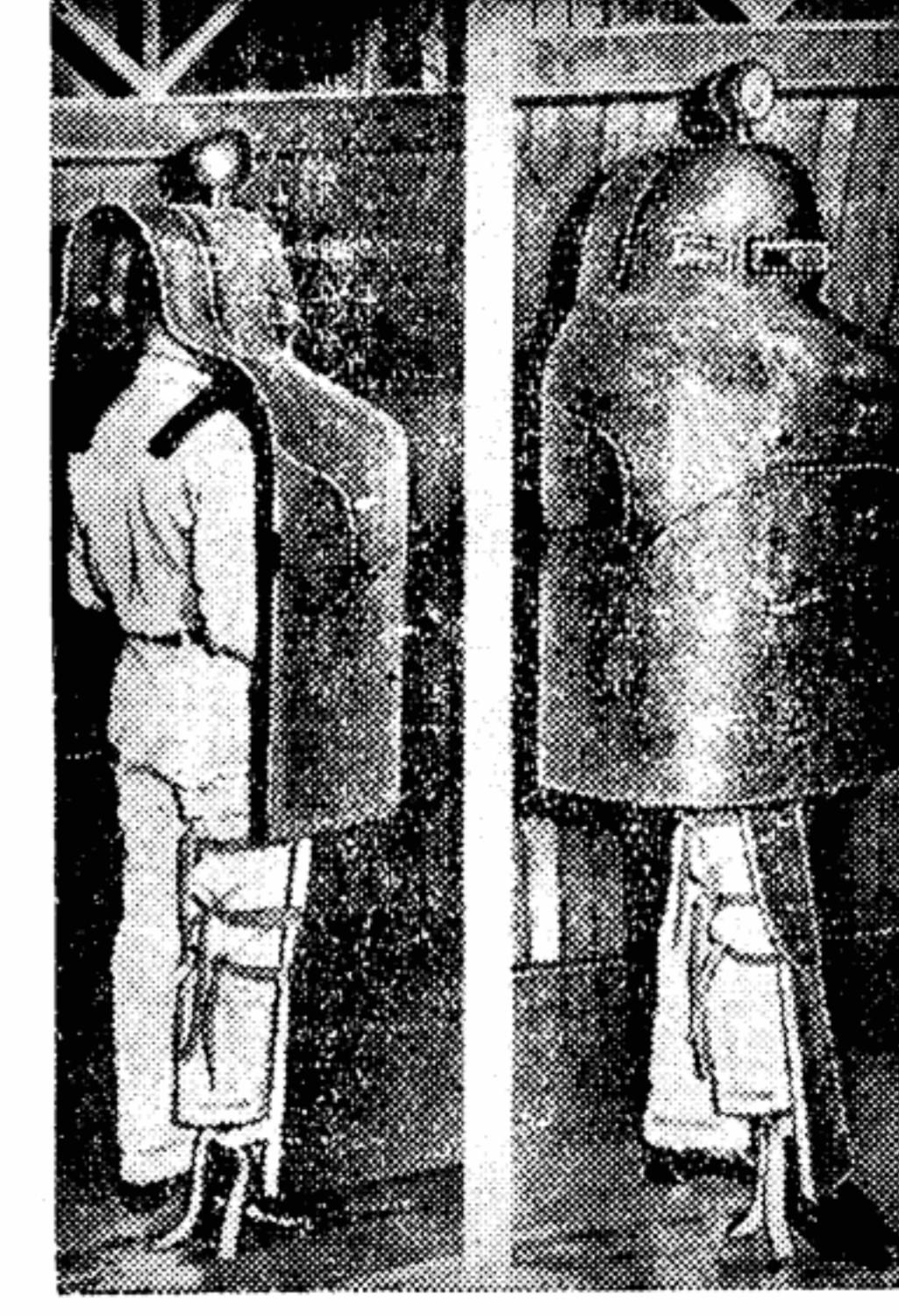
Да, такие взаимоотношения между промышленниками и рабочими трудно, конечно, назвать простым сосуществованием...

Ответ на вопрос, устроила ли установка для Америки теория Маркса, дает в частности, предлагаемая нами фотография. Мы получили ее от агентства Юнайтед Пресс фото. На снимке запечатлен полевой поезд из тяжелых полноприводных автомобилей. Костюм состоит из стального щита и таких же наложенных края. Глаза защищены пуленепробива-

мыми стеклами, над головой — прожектором. Полиция решила, поясняет агентство, обезопасить себя от пуль при перестрелках с «бунтовщиками» и лицами, устраивавшими баррикады. Легко понять, кого имеет в виду агентство. Это забастовщики и безработные, которых в Детройте, столице американского автомобилестроения, многие тысячи. Оставшиеся без средств к существованию, эти люди, не читавшие, видимо, выступления министра труда и потому не знающие, как им зачально живется, открыто проявляют свое негодование.

Дело полицейского автомата, просунувшего сквозь специальное отверстие в щите, яснее всяких слов свидетельствует о тех «нежных чувствах», которые пытаются заводчики к своим рабочим, а борцованный щит показывает, что хозяева твердо рассчитывают на взаимность. Вот уж воистину «воплощение идеи сотрудничества» между американскими промышленниками и рабочими! На фоне этого новомодного полицейского снаряжения теория Маркса отнюдь не кажется старомодной.

М. ВИЛЕНСКИЙ

Заметки об афганской литературе

М. АСЛАНОВ,
Г. ГИРС

Большей части афганского народа. Горячее слово писателя, желающего своей стране мира и процветания, бурного развития экономики и культуры, отзывается в сердце каждого патриотически настроенного афганца. С большим уважением говорят читатели о творчестве таких крупных поэтов и прозаиков, как Ринти, Хадим, Бенава, Маджрух, Мухлис, Гуль Паша Ульфат, Гулем Рахман Джарар, Мухаммад Арсалан Салими, Змэрзайл, Найдин Мухаммад Захир и др.

В последние годы на литературную арену вышло новое поколение афганских писателей, молодежь — выпускники Кабульского государственного университета и других учебных заведений страны. В лице Гуламира Мухиддина Айбоя, Мухаммада Гулбара Нангархара, Мухаммада Ибрагима, Мухаммада Холида Рошана и других молодых поэтов и прозаиков афганскую литературу выступила с произведениями, в которых резко обличал бездельников из чиновничего аппарата (рассказ «Мне некогда»), подвергая критике сохранившиеся пережитки в быту (например, уплату калмыма за невесту) — в рассказе «Несчастная девушка». Щикли стихотворений в прозе Абдурауфа Бенава — один из крупнейших писателей и филологов современного Афганистана. Уже на раннем этапе своего литературного творчества Бенава выступил с произведениями, в которых резко обличал бездельников из чиновничего аппарата (рассказ «Мне некогда»), подвергая критике сохранившиеся пережитки в быту (например, уплату калмыма за невесту) — в рассказе «Несчастная девушка». Щикли стихотворений в прозе Абдурауфа Бенава был создан писателем в течение 1947—1948 годов. Для характеристики творчества Ринти, изданного в 1955 году, автор ее — Садикулла Ришти, известный писатель и филолог, президент Афганской академии. Он совершил поездку по Пакистану, Индии, арабским странам и Ирану. В результате поездки и появился «Путешествие Ринти», в котором Ринти делится с читателем своими впечатлениями. Основное внимание в книге уделено Индии. Метко подмечены Ринтином новые черты, характерные для Индии наших дней, — самостоятельная внешняя политика индийского правительства, определенные успехи в развитии экономики, просвещения и культуры страны. Книга Риштина наглядно свидетельствует о новых веяниях, которые все более укрепляются в афганской литературе, приближают ее к жизни и интересам народа.

С завоеванием независимости в 1919 году перед Афганистаном открылись благоприятные возможности для самостоятельного экономического и культурного роста. В новых исторических условиях афганская литература обращается к социальным темам современности. Возникают и развиваются новые жанры — рассказ, очерк, пьеса, роман, поэма и пр. Писатели стремятся к определенным формам, определяющимся в развитии экономики и культуры страны. Книга Риштина наглядно свидетельствует о новых веяниях, которые все более укрепляются в афганской литературе, приближают ее к жизни и интересам народа и общества.

Поэтому пути шли и другие крупные писатели Афганистана. Уже на раннем этапе своего литературного творчества Бенава выступил с произведениями, в которых резко обличал бездельников из чиновничего аппарата (рассказ «Мне некогда»), подвергая критике сохранившиеся пережитки в быту (например, уплату калмыма за невесту) — в рассказе «Несчастная девушка». Щикли стихотворений в прозе Абдурауфа Бенава был создан писателем в течение 1947—1948 годов. Для характеристики творчества Ринти, изданного в 1955 году, автор ее — Садикулла Ришти, известный писатель и филолог, президент Афганской академии. Он совершил поездку по Пакистану, Индии, арабским странам и Ирану. В результате поездки и появился «Путешествие Ринти», в котором Ринти делится с читателем своими впечатлениями. Основное внимание в книге уделено Индии. Метко подмечены Ринтином новые черты, характерные для Индии наших дней, — самостоятельная внешняя политика индийского правительства, определенные успехи в развитии экономики, просвещения и культуры страны. Книга Риштина наглядно свидетельствует о новых веяниях, которые все более укрепляются в афганской литературе, приближают ее к жизни и интересам народа и общества.

Рост афганской литературы во многом способствовал тому, что в 1936 году язык афганцев, пушту, был объявлен государственным языком. В 1937 году была создана Афганская академия — филологическое общество, специализирующееся на изучении языка и литературы афганцев. По инициативе академии вырабатываются нормы литературного пушту, издаются словари и грамматики, начато издание энциклопедии. С 1943 года были установлены поощрительные премии за лучшие произведения поэзии и прозы. Писатели активно сотрудничают в газетах и журналах. Трудно переоценить значение литературно-общественного журнала «Кабул», органа академии, в подъеме художественной литер